

В. А. Возчиков

ОПЛОТ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ, ИЛИ ПОЧЕМУ СОЗДАНИЕ ЭЛЛИНО-ГРЕЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ СТАЛО В РОССИИ ГОСУДАРЕВЫМ ДЕЛОМ

Многие проблемы отечественного образования, активно решаемые в XVIII–XIX веках, по мнению автора, впервые были поставлены в конце XVII столетия, в период создания Эллино-греческой академии. В статье подробно описываются цели и задачи Академии как оплота ценностей православия. Используется подлинный текст «Привилегий», составленных для будущей Академии царем Феодором Алексеевичем.

Ключевые слова: просвещение, богословие, мировоззрение, образование всесословное, русские традиции, философия, ценности православия.

V. A. Vozchikov

The Stronghold Of Russian Spirituality Or Why The Establishment Of The Ellino-Greek Academy Became An Imperial Business In Russia

Many problems of domestic education, actively solved in the 18–19th centuries, in the author's opinion were first raised at the close of the 17th century in the period of the establishment of the Ellino-Greek Academy. The article gives a detailed description of the objectives and goals of the Academy as a stronghold of orthodox values. There is used the original text of "The Privileges" created for the future Academy by the Tsar Fedor Alexeyevich.

Key words: enlightenment, theology, world outlook, all-class education, Russian traditions, philosophy, orthodox values.

Первая Академия, появившаяся в России в конце XVII века, не была высшим учебным заведением не только в нашем сегодняшнем понимании, но и по европейским меркам того времени. Однако по своей значимости это событие с полным правом занимает почетное место в ряду великих образовательных реформ последующих столетий. Многие проблемы, волновавшие русскую образовательно-пе-

дагогическую мысль в XVIII–XIX веках, попытки решения которых мы находим в трудах И. Т. Посошкова, В. Н. Татищева, И. И. Бецкого и других подвижников российского просвещения, впервые были подняты еще до Петровских преобразований, подготовив тем самым определенный фундамент для дальнейшего целенаправленного образовательного строительства.

Правление Алексея Михайловича (1629–1676), а затем Феодора Алексеевича (1661–1682) — пример того, как можно благие преобразования осуществлять постепенно, без революционной «ломки» в духе Петра Великого. Идея высшего образования вызревала в русском обществе неторопливо: первым шагом стала организация в 1648 году царским постельничим Федором Михайловичем Ртищевым «ученого братства», обособившегося в Андреевском монастыре и открывшего там училище «ради Российского рода во просвещении свободных мудростей учения» [1, С. 404]. Примерно через двадцать лет уже не только «верхушка», но и среднее сословие российского общества почувствовало потребность в образовании: в 1668 году москвичи, прихожане церкви св. Иоанна Богослова, подали государю челобитную, где просили разрешить устроить в своем приходе грамматическую школу. Царь и патриарх поддерживали инициативу, и через какое-то время в новом училище уже преподавали греческий язык и партесное пение [2, С. 208].¹ Свои школы основывают Арсений Грек, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий...

Словом, русское общество духовно было готово к принятию высшей школы, и достаточно было любого, даже, на первый взгляд, случайного повода, чтобы *предчувствие* первого российского университета стало реализовываться (опять же, постепенно, неторопливо!) в конкретных действиях.

А непосредственный повод случился в 1679-м году (на престоле уже

был Феодор Алексеевич), когда возвратился из путешествия по восточным странам иеромонах Тимофей. Будучи допущенным к царю, он рассказал государю о «притеснениях», которым подвергаются в иноземных государствах благочестивая православная вера и греческие науки. Царь Феодор увидел в этом знак к исполнению Россией своей святой миссии сбережения и продолжения византийских духовно-образовательных традиций и в том же году при активном участии патриарха Иоакима организовал при Московской типографии греческую школу, где начались занятия для первых тридцати учеников [2, С. 215]. Государь и патриарх ревностно опекали свою школу, едва ли не каждую неделю посещали ее, заботились о нуждах учащихся... Заведовать школой поручили иеромонаху Тимофею, учителем же стал ученый грек Михаил (Левендатов). В основу преподавания легли ценности православия и греческий язык.

Новая школа вызвала обостренный интерес в московском обществе: во-первых, за ней стоял царь (а значит, государственные средства!), во-вторых — и это было известно — Феодор Алексеевич в перспективе намеревался преобразовать ее в Академию. Намеревался *изначально*, а не потому, что в процессе работы школы, как полагал Л. Н. Модзалевский, «начатки эллинского учения были найдены недостаточными» [3, С. 339]. На наш взгляд, уже собственно первоначальное название Академии — Эллинско-греческая — свидетельствует именно о том, что как раз «эллинское учение» у государя не вызывало никаких сомнений!..

¹ Партесное пение — тип русской и украинской многоголосной вокальной музыки, получивший распространение в православном богослужении в XVII веке и первой половине XVIII века.

Вопрос, кому руководить будущей Академией, был мировоззренческим: от содержания образования в первом российском высшем учебном заведении зависел духовный облик будущей управленческой элиты.

Сразу же после открытия училища при Московской типографии сторонники известного ученого и поэта Симеона Полоцкого стали настаивать, чтобы там преподавался не только греческий, но и латинский язык, однако ходатайство тогдашних «западников» было отклонено. Впрочем, эта победа ревнителей чистоты православной веры не решила проблемы преподавания в будущей Академии. После смерти Феодора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) ученик Полоцкого Сильвестр Медведев обращается к царевне Софье с целью ускорения процесса создания Академии, явно рассчитывая на внимание к своей кандидатуре. Твердость проявил патриарх Иоаким, решив не обострять вражду между противоборствующими «партиями» (сторонниками «западного» и «восточного» просвещения), отдав предпочтение какой-либо из них. При этом Иоакиму было важно обеспечить в Академии «греческое» направление преподавания, и он обращается к иерусалимскому патриарху Досифею с просьбой прислать учителей, не сомневаясь, что тот порекомендует ученых, глубоко приверженных православной вере.

Иоаким не ошибся: Досифей отправил в Москву для организации «вы-

сшего училища» братьев Лихудов — Иоанникия и Софрония. С уважением относясь к латинскому знанию, братья с 1685 года стали преподавать в школе при Богоявленском монастыре греческий и латинский языки, грамматику и риторику. Со школой Лихудов слыхась и школа при Московской типографии, в новое учебное заведение приходили за знаниями и москвичи зрелого возраста, и тогдашние чиновники [см.: 2. С. 219]. В 1687 году школа Лихудов стала *Элино-греческой Академией*, «греческий» стиль обучения в которой определяли ученые братья.²

Назначение братьев Лихудов вовсе не было «компромиссом» между подходами к содержанию образования Епифания Славинецкого и Симеона Полоцкого. Иоанникий и Софроний Лихуды прибыли в Москву с конкретной целью — поддержать «славянскую» (иначе — «византийскую», «православную») партию. Ведь их, повторим, направил в русскую столицу иерусалимский патриарх Досифей, который, узнав в свое время об открытии училища при Московской типографии, предостерегал в личном письме царя Алексея Михайловича от «лукавства и прелести» латинского образования: «Еллини бяху святии Отцы, еллински написашеся деяние св. соборов и св. отцев списание и вся святыя церкви книги, и сие есть божественное дело, еже учити христианом еллинский язык, во еже разумети книги православныя веры, якоже писани суть, и познавати толкование их удобно

2 Относительно даты основания первой российской академии до сих пор ведутся споры. Некоторые источники датируют ее основание 1687 годом, когда учебное заведение переехало в собственное специально для него построенное здание — Заиконоспасский монастырь. Другие считают годом основания 1685, когда учебное заведение фактически было создано и начало работу под руководством братьев Лихудов.

и наипаче, дабы отдалены были от латинских, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожия. Просим святое царство Твое тое училище утвердить и впредь распространити ...» [2. С. 216]. Так что не могли Лихуды отправиться в Москву ради «компромисса» с латинством!..

По этому поводу Л. Н. Модзалевский раздраженно замечает: «... Ученые греки Лихуды несмотря на то, что сами изучали схоластическую науку в Венеции и Падуе, по переселении в Москву были заклятыми врагами всего, что напоминало им Запад, и более русских способствовали умножению недоверия к пришельцам из Киева» [3. С. 339].

«Состав классического обучения при Лихудах, — мы вновь обращаемся к исследованию Л. Н. Модзалевского, — был приблизительно следующий: учение начиналось грамматикой, которую и читали во всех трех классах; первый назывался *infima* и **разделялся на два отделения — inferior и superior; второй класс назывался *media* — средний, а третий *suprema* — высший. Изучившим грамматику преподавалась пиитика, потом риторика, наконец — логика и физика. Новопоступившим ученикам первые начала науки сообщали ученики Лихудов, дошедшие до философии. Старших учеников занимали также упражнениями риторическими и стихотворными: так, в 1690 г. они написали приветственную речь патриарху Адриану. По воскресным и праздничным дням ученики академии собирались в аудиторию и слушали проповеди или толкование библейской истории; в известное время они сами вели диспуты между собой и подвергались испытанию в познаниях» [3. С. 340—341].**

Когда в 1694-м году Лихудов отстранили от преподавания (по хатайству церковных кругов, усмотревших «вред» в методах и содержании преподавания философии и физики), дело продолжили их ученики — Федор Поликарпов, Николай Головин и Петр Постников, кстати сказать, первый русский доктор наук. И лишь в 1701-м году, при единоличном правлении Петра I, **блуститель патриаршего престола Стефан Яворский и сторонники европейской учености стали теснить приверженцев «восточного» направления обучения, и Академия, преобразованная во всем по образцу Киевской, получает название *Славяно-латинской*. Из Киева стали приглашать не только учителей, но даже и учеников: известно, что в списках 1704 г. в числе 34 учеников философии Московской Академии оказываются только 3 великоросса, все остальные носили малороссийские и польские фамилии; в преподавании стал преимущественно использоваться латинский язык [3. С. 41]. С 1776-го года за Академией закрепилось название *Славяно-греко-латинская*...**

Заслуги царя Алексея Михайловича в развитии российского просвещения должны быть по достоинству оценены. То был действительно великий государь, сумевший оживить умственную жизнь страны западной образованностью, не поколебав при этом идеалы православия, духовно-нравственные традиции русского народа. Не все новшества Алексея Михайловича безоговорочно принимались: звучавшая при дворе европейская музыка многими считалась греховной, равно как и разыгрываемые драматические представления — мис-

терии; коробили коренных москвичей польские одяния певчих, да и само «партесное пение», которое понравилось Алексею Михайловичу, кому-то представлялось отказом от древних заветов... [2. С. 202]. Но перечисленное — всего лишь *элементы* европейской светскости, освежившие патриархальность московского двора. Совсем иное дело — образовательные мероприятия, укреплявшие государство, обеспечивавшие его перспективу.

Государственная мудрость следующего царя — Феодора Алексеевича — проявилась в том, что он понял значение образования для укрепления православной веры, а, следовательно, — Русского государства. В этом смысле он пошел дальше своего отца: если Алексея Михайловича, утвердившего в 1655 году «на славу Божию разными диалекты, Греческим, Словенским и Латинским, учению зде в России бытии» [1. С. 401], интересовало, видимо, преимущественно просвещение как таковое, то для Феодора проблема образования приобретает мировоззренческий характер. Вызовом времени стало усиление распространения европейской учености, что требовало, говоря современным языком, политического решения о степени принятия «латинства» русской духовной культурой. Конечно же, дело было не в формальном выборе языка для преподавания. Как справедливо отмечает С. И. Миропольский, «вопрос о значении греческого и латинского языка являлся вопросом о преобладании византийского или латино-польского влияния в Москве, ставился вопрос о греко-римском или латино-польском образовании». Поэтому, «в сущности, вопрос шел не о языке и цивилизации,

а о православии, которому грозила опасность от нашествия латино-польских идей и стремлений» [2. С. 221].

Государь не стал препятствовать проникновению на Русь западной просвещенности, но принял меры, чтобы сопутствовавшие ей ценности не «ввели в соблазн» православное население. Иными словами, отгораживаться в середине XVII века от Европы было уже неразумно, однако в насаждении ее обычаев на русской почве не виделось никакой необходимости. Потому главной целью создания Академии Феодор Алексеевич полагал охранение и распространение восточной православной веры [1. с. 399]. Следовательно, о том, чтобы отдать управление первым высшим учебным заведением в руки приверженцев западного образования, не могло быть и речи!..

Что есть для страны благо, государь знал твердо, а потому его идеология для россиян была проста и непоколебима: «Злое, да от него уклонимся; доброе же, да ему последствуем» [1. С. 399].

В 1682 году Феодор Алексеевич подписал Привилегии на Академию, согласно которым создавался ряд училищ (корпусов), «по чину Академии» для обучения «юных свободных учений мудрости» [1. с. 401]. Предполагалось, что «благоикусные дидаскалы» станут возвращать в них «семена мудрости, то есть науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия учащей вещей божественных, и совести очищение постановити» [1. С. 402].

Основательно эта заявленная проблема синтеза духовных и светских

знаний будет активно обсуждаться в XVIII веке. Так, в «Духовном регламенте» (1721 г.) Феофан Прокопович заявляет не столько о своих религиозных, сколько о светских гуманистических убеждениях и намерениях. Да, основная посылка его рассуждений — повышение уровня церковного служения через высокую образованность священнослужителей, поскольку, если церковь не освещается светом учения, не избежать раздоров, суеверий и всевозможных ересей, то есть неверных толкований священных текстов. [5. С. 46]. Однако «свету учения» Ф. Прокопович придавал более широкий смысл, чем только прояснение сугубо богословских вопросов.

Думается, обобщенно идею Ф. Прокоповича можно выразить следующим образом: церковь должна быть государственным центром, инициирующим широкое распространение просвещения, обретение как религиозной, так и светской образованности. Почему церковь?.. Видимо, потому, что это уже была разветвленная, отлаженная, авторитетная структура, и казалось вполне логичным использовать ее возможности для решения светских государственных задач.

Похоже, что именно церковных иерархов, прежде всего, убеждает Прокопович, когда пишет о пользе учения для церкви и государства, ссылаясь на давнюю традицию единства религиозного и светского образования. Ф. Прокопович напоминает, что многие достойные люди прошлого осваивали как духовное, так и светское образование, потому и нужно следовать этой благой дорогой («И еще бы учение церкви или государству было вредное, то не учились бы сами луч-

шие христианские особы и запрещали бы иным учиться: а то видя, что и учились все древние наши учителя, не токмо священного писания, но и внешней философии, и кроме многих иных славнейшие столпы церковные поборствуют и о внешнем учении») [5. С. 46].

В приведенной цитате обратим внимание на соединение в образовательном процессе Священного Писания и «внешней философии», то есть светского направления. Тем самым Феофан Прокопович говорит о необходимости всестороннего образования как условия всеобщей пользы: «Ибо учение доброе и основательное есть всякой пользы, как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание» [5. С. 46].

Однако, чтобы учение было именно «доброе и основательное» (а иного государству Петра и не надобно!), за его организацией «накрепко наблюдать подобает» — то есть держать процесс образования под постоянным контролем! Кому же быть контролером? Конечно, государству, держащему в своих руках власть! Такова реальность, которую должна учитывать церковь в своей деятельности и руководствоваться государственными интересами, в частности, через духовные образовательные учреждения готовить воспитанников не только к церковному, но и к гражданскому труду.

Однако вернемся к Привилегиям. В этом документе восемнадцать главков, регламентирующих содержание образования и все аспекты жизнедеятельности будущей Академии. Опустим организационно-хозяйственные вопросы, остановимся на положениях, отражающих образовательные идеи того времени.

Руководить Академией (вводилась должность Блюстителя) и преподавать в ней дозволялось благочестивым и от благочестивых родителей рожденным, и воспитанным во православной Христианской восточной вере Российского и Греческого народа. «Греческого же народа тии да будут, иже будут о себе имети о своем в восточной Христианской вере крепком утверждении от православных Патриархов достоверное свидетельство ...» [1. С. 405–406].

Ученым «еретического» вероисповедания преподавание в Академии категорически запрещалось: «А новопросвещенным от Римския веры, и Лютерския, и Калвинския, и иных ересей, приходящим в тех училищах Блюстителю и Учителем, ради веры наша лучшего хранения, весьма не быти: ибо они обыкоша злохитростным образом, тайно ереси своя по малу во ученики вкореняти» [1. С. 406].

Предусмотрел Феодор и как вести себя Блюстителю Академии в отношении литовских и малороссийских ученых, количество которых в то время на Руси существенно увеличилось. «А иже имут в наше царствие из Литовския страны и из Малыя России из иных стран ученые люди, хотящие зде в наших Блюстителем и Учительми быти, приезжати, и о себе поведати, яко они благочестивые, и от благочестивых родителей рожденны и воспитаны в православной восточной вере: и оным без подлинного об них известия, и достоверных благочестивых людей свидетельства

словесем их не верити ...» [1, С. 406–407].

Европейских «просветителей» ждало в России, по меньшей мере, настороженное отношение, тех же, кто не проявит должного уважения к русским традициям, позволит себе усомниться в истинности православной веры, предписывалось «яко негодных здешняго пребывания, царствующаго града выслати за пределы нашего царствия» [1. С. 412].

Принципиально важной представляется глава пятая, объявляющая академическое образование внесловосным и всеобщим: «Сему нашему от нас, Великаго Государя, устроенному училищу бытии общему, и всякого чина, сана и возраста людем, точию православныя Христианския востояныя веры приходящим ради научения, без всякого зазора свободному, в нем всякия от церкви благословенныя благочестивые науки да будут» [1. С. 408]³.

Какие науки русскому государю представлялись «благочестивыми», о том уже сказано выше, запрещалось же преподавание церковью «возбращаемых наук, наипаче же магии естественной, и иных, таким не учити, и учителей таких не имети» [1, С.408]. За нарушение этого требования наказание предписывалось жестокое — традиционный для борьбы с еретиками костер: «Аще же таковыя Учители (знатоки магии. — В. В.) где обрящутся, и они с учениками, яко чароден, без всякого милосердия да сожгутся» [1. С. 408]. Запрещалось не только читать или изучать «чародейные», «гадательные» и прочие «бого-

3 О всеобщности, внесловосности образования весьма осторожно, в самых общих чертах будет рассуждать в «Духовном регламенте» 1721 г. Феофан Прокопович. Обязательная учеба, по Феофану Прокоповичу, предстоит всем детям священнослужителей! Желательно, чтобы учились и дети «лучших» горожан, что же касается дворян, то в отношении их решение примет только государь [4, С. 50].

хульные и богоненавистные» книги, но даже держать их дома; такому же запрету подвергались «лютерские», «калвинские» и прочие еретические книги — предписывалось «книги еретические сожигати» [1. С. 416].

Феодор Алексеевич прекрасно понимал, как может смутить нестойкие умы «прелесть латинства», а потому решительно укрепляет позиции государства в сфере образования⁴: создав Академию, государь намеревался запретить какое-либо бесконтрольное обучение на дому, особенно же учителям иностранным и иноверным; души подданных должны быть сохранены в православной чистоте, для приобщения россиян истинным знаниям и создается царем и патриархом высшее учебное заведение [1. С. 409]. Последнее планировалось сделать привлекательным не только в образовательном, но и социальном плане: например, денежные долги или «иные какия вины» отцов не должны препятствовать детям в

получении знания (главка седьмая) [см.: 1. С. 409]; если же учителя или ученики совершат какой-то проступок, кроме самого тяжкого («убийственных и иных великих дел»), то судить и определять, если потребуется, наказание за него должны Блюститель Академии вместе с учителями, причем разбирательство вести по внутренним правилам — «по Акадимицкому чину» (главка восьмая) [1. С. 410]; учителя, проявившие добросовестность, старание в обучении юных, могут рассчитывать на особую царскую милость — «... ради их к старости упокоения, пожалованы будут за свидетельством Блюстителя и Учителей за их труды, нашим особым достойным трудам их жалованьем» (главка девятая) [1. С. 411]. Ждала награда и прилежных учеников, которые «имуть быти милостиво пожалованы, в приличные чины их разуму, и наше царское особое воспримут, яко мудрое, щедрое милосердие» (главка десятая) [1. С. 411]⁵.

4 О необходимости государственного присутствия в сфере образования в XVIII веке будет писать, например, В. Н. Татищев. «120. Что в правлении нужное разумеете? Ответ. Сие есть главнейшее и нужнейшее в государстве, чтоб правление всех в государстве училищ такое было, которое б в состоянии находилось все вреды и препятствия ко умножению наук предупредить, а вкрадшиеся отринуть, о сохранении общей пользы прилежать и оную колико удобно умножать. А понеже науки и училища разных качеств и много о всем рассуждения всегда требует, то весьма нужно, чтоб для оного особенное собрание или коллегия учреждена была, которая б всегда на все училища, какого б звания они ни были, внятное надзирание на их порядки и поступки, а ко исправлению и лучшему учреждению власть имела. И для того весьма потребно из главнейших российских как духовных, так мирских хотя по одной персоне, а к тому для помощи несколько посредственных определить, а наипаче таких, которые как в науках неколико знания и охоты имеют, чтоб в ревности и прилежности не оскудевали» [6. С. 131].

5 Значительно позже, уже во времена Петра I, проблему взаимосвязи образовательного уровня человека и его карьерного роста поднимет И. Т. Посошков. Коли «человек школьного учения не принес», рассуждал этот самобытный мыслитель, то пусть не претендует на чин пресвитера или дьякона; а если «кои причетники церковные пожелают пресвитерства, то будут и тридцатилетние в школы и без понуждения прихода учиться и учением своим будут поспешать. И таковые люди годы в два-три научатся могут; понеже себя ради будут поспешати и со охотою учиться имут». По мысли Посошкова, ради собственной карьеры учиться будут быстрее и охотнее! А для особенно способных учеников должно быть предложено углубленное образование, чтобы талантливый ученик мог в перспективе рассчитывать на престижные должности: «И который из них учение грамматическое твердо примет, а летами своими еще млад, то таковых надлежит и риторике поучить, или и философии; и тои не только в пресвитерский сан, но и во Архиерейство будут годны и учителями могут застать» [4. С. 12].

Совершенно иное отношение к тем, кто не проявил в Академии должного старания в освоении «свободных учений» или же просто оказался негоден к наукам по недостатку способностей — такие не могут претендовать на успешную карьеру: «А не научащихся свободным учениям, всяких чинов людей, детей их, разве благородных, в наши Государские чины, в Стольники, в Стряпчие, и в прочие, в ня же от нас Великаго Государя жалуются блаиродные, ни за какие дела кроме учения, и явственных на войнах и в иных государственных, нашия Государския части ко умножению, и государства к расширению соделаний не допущати» (главка десятая) [1. С. 411—412].

В последней — восемнадцатой — главке царь Феодор Алексеевич особо

подчеркивал, что создание Академии дело *государственное*, ибо «нашею царскою казною да строится», и монаршая опека является гарантией русскому образованию «от всяких злоключений, нападений и бедств» [1. С. 418—419]. Под «бедствами», в первую очередь, конечно же, понималась «ересь латинства», которой государь не намерен был давать ни малейших послаблений.

Такова была нравственная установка царя Феодора Алексеевича, однако уже вскоре России предстояли немалые потрясения, ломавшие, в том числе, и казавшееся неизблемым мировоззрение. Приближалось время Петра Первого, выдвинувшего перед образованием, прежде всего, задачи государственной пользы...

Примечания:

1. Древняя российская вифлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии генеалогии российских касающихся; изданная Николаем Новиковым.... Издание второе, вновь исправленное, умноженное. Часть VI. Москва, 1788.

2. Миропольский, С. И. Очерк истории церковно-приходской школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени / С. И. Миропольский. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006.

3. Модзалевский, А. Н. Из истории первоначального развития русской школы / А. Н. Модзалевский // Модзалевский А. Н. Очерк истории

воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Часть вторая. СПб.: Алетейя, 2000.

4. Посошков, И. Т. Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков // Сочинения Ивана Посошкова. Москва, 1842.

5. Прокопович, Феофан. Духовный регламент (отрывки) / Феофан Прокопович // Антология педагогической мысли России XVIII века. М., 1985. С. 46—53.

6. Татищев, В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах / В. Н. Татищев // Татищев В. Н. Избранные произведения / Академия наук СССР. Институт истории СССР, Ленинградское отд. Ленинград., 1979. С. 51—132.